



## Топиарное искусство

**Е**го впервые заметили выходящим из женбарака с папкой. Тимофей, так звали его, прямо направился в горком. Всю неделю он с утра ходил в горком и до вечера пропадал в нем.

Был июнь, похожий на май.

По вечерам на бульваре в раковине эстрады играл оркестр.

Бульвар был старый, первой половины XIX века. Деревья когда-то выписывали из Египта, Франции, Италии, с животами, с тяжелыми ветвями, и качались они не так легко и весело, как местные.

Крошечные японские дубы,



вечнозеленые, изящные, их поневоле женщины ласкали пальчиками.

И вот приехал Тимофей, и мы узнали о топиарном искусстве, которое процветало еще в Древнем Египте. Что это такое? Это художественная стрижка деревьев, кустов. Часто им придавали вид античных ваз, арф, богов и даже людей.

И вот настал день, когда Тимофей в сопровождении горкомовца вошел в сад и на стволах деревьев мелом проставил кружочки и квадратики. Горкомовец кивал головой.

Художественное подстригание нашего бульвара Тимофей начал с лавровишни.

Верх дерева быстро был зашит фанерой, и Тимофей исчез на несколько дней внутри куба из фанеры.

Оттуда слышались поющая пила, быстрый топорики и голос Тимофея:

—Ангидрид, твою мать, перекись водорода!

Через неделю и близнец первого дерева, симметрично стоящий через дорожку, был огорожен, и в широких его ветвях был построен фанерный



домик, и Тимофей исчез в нем. И в домике снова зазвучал топорик, запела пила. Так прошло два месяца.

\*\*\*

И вот настал день открытия произведений Тимофея.

Грянула музыка, фанеры раздвинулись, и мы увидели два дерева, одно из которых стало Лениным, а другое Сталиным!

Приглашенные попятились назад!

Поражало портретное сходство!

Хоть в паспорт их вставляй! Сходство усиливали дополнительные вьющимися, ползущими растениями. Они

были посажены с невидимой стороны стволов дерева и помогали в основном в тонких, но важных мелочах: в усах, бровях, пуговицах, орденах, галстук, трубке вождя.

Чуть в сторону от Ленина и Сталина стоял порывистый Буденный в буденовке и воткнутой в землю десятиметровой саблей тоже из цветов!

Первый секретарь крепко пожал руку третьему секретарю по культуре, а Тимофея похлопал по плечу.



Работа была принята.

— Образование?—спросил первый секретарь Тимофея.

— Философское,— ответил третий секретарь за Тимофея.

— Ясно. Сидел?—спросил первый Тимофея.

Тимофей опустил голову и посмотрел в сторону.

В ту ночь до рассвета город гулял в топиарном саде! Я не мог отойти от сабли Буденного. Увели меня спящего под грузинский марш Чудецкого.

Так прошло лето! О деревьях Ленине и Сталине писали газеты, а местный поэт посвятил стихи топиарному искусству и отпустил бакенбарды — один ромбиком, другой трапецией.



\*\*\*

А к зиме первый секретарь спросил

— Что будем делать? Зима ведь.

— Ну и пусть зима.

— Надо закрыть бульвар.

— То есть? Что значит закрыть?



— А как будем сбивать снег с Ленина и Сталина? Палкой? — последнее слово было сказано без звука, губами, с оглядкой.

Третьего секретаря качнуло.

Сели. Так и сидели, думали, и к вечеру третий секретарь спросил:

— Может, в нем на зиму разместить Тимофея?.. Без палки. Ночью проникает вовнутрь... Покачает, осторожно, по-хорошему... Снег падает...

— Всю ночь качать дерево? Не замерзнет?



— С2Н6О,— сказал третий секретарь научно, чтобы другие не слышали,— в широком смысле водка, то есть чача.

— С закуской легкой. Культурной, монпасье!—помахал пальцем первый третьему.

— И никакого мата! Легкой... Культурной... Монпасье. И без мата!

Третий представил, как из вечно зеленого Сталина слышен мат, пахнет луком, чачой, и у третьего от ужаса в сапогах кукишом скрутились пальцы.

— Понял! Без нецензурных глаголов!

Всю зиму сад был закрыт. Шел снег. Налетел ураган с Черного моря. Сабля Буденного свистела и металась от ветра.

Потом пошел снег, тяжелый, мокрый. И папа, закрыв ставни в полночь, сказал бабушке, будто кому.то послышался из Сталина чуть.чуть аккордеон и женский голосочек!

Бабушка вытаращила глаза, папа приставил губы прямо к ее уху и сказал что.то. Бабушка мелко-мелко крестилась.

\*\*\*

Из заснеженного Сталина была слышна песня. Из Сталина слышались два голоса: Тимофея и какой.то женщины.



Они пели песню «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина!», они начали очень тихо. А рано.рано утром женщина ушла в мятом платье и с висящем на щеке беретом.

Потом нашлись и такие, которые говорили, что видели, как они спустились из Сталина и с песней вошли в Ленина. Это случилось в полночь, и если бы даже их кто-то видел, кто посмел бы об этом рассказать кому-нибудь и попасть в политстатью.

\*\*\*

Весной заиграл марш, и сад был открыт! Топиарные произведения, фантазийное садоводство были в полном соответствии первому показу!

И снова прогулки вокруг зеленых скульптур!



Восторги, удивление! Жали руку Тимофею, который ходил от дерева к дереву с секатором.

Но вот к середине мая засверкали молнии! С неба упала вода на бульвар!

Девушки взвизгнули! Туфельки к сердцу! Бульвар опустел!

Дождь лил неделю.

А через неделю над городом стояло раскаленное солнце.

И начались другие события.

Все внутри Буденного ползучее, стелющееся, вьющее, лазающее: глициния, виноградные лозы, ломонос, актинидия,

Вдруг сварщик приварил друг к другу все четыре ворота бульвара!

Перед воротами поставили милиционеров и мужчину в плаще с газетой.

В городе поползли нехорошие слухи!

У железных решеток сада в углу, за кустами, был изогнут прут.

Я незаметно влез в сад. Прячась в кустах, пробрался к топиарным фигурам.

Ленин!







Дожди, а за ними солнце сделали чудеса!

Вегетация поразила вождя! Природа победила вождя! Посаженные рядышком растения, нужные для сходства, распустились в своем естестве!

Бородка Владимира Ильича зацвела отдельным кустиком, и из нее дрожали лютики! С затылка к темечку убежали нежные нарциссы! Лицо Ильича еще читалось. Из носа вождя выглядывала жантильная кокетливая мимоза!

На лбу Ленина чубчиком висели гиацинты!

Два равносильных ветра развернули меня и, крутя, понесли в темноту, где гудел Сталин!

В его трубке цвели алые розы.

На щеке Сталина лежала белая чашка магнолии в богатом платье, порочно раскрыв всю себя!

Агрессивные солнцелюбящие лианы оторвали от головы Сталина маршальскую шапку, и она ходила в небе точно в приветствии с трибуны мавзолея!

Ветер унес меня к Буденному, к сабле!

Сабли не было!

Она лежала на земле, и мелкие ее цветочки разбежались по всему бульвару!

Все внутри Буденного ползучее, стелющее, вьющее, лазающее: глициния, виноградные лозы, ломонос, актинидия, кирказон — взорвалось и зацвело неистово!

Усов стало три! Два под носом, а третий из щеки! Буденного не стало!

Он стал взлетевшим в небо букетом!

Букетом, побывавшим в драке!

Этот букет был взрывом радости!

Счастья! Под таким букетом целоваться!

Впервые в жизни!

Всю ночь!

Стуча зубами о зубах!

С распухшими, гиперболизированными губами!



Раздался свисток! Ко мне бежал милиционер!

Я вылетел в решетку забора, как птичка из клетки! Мужчина топал на месте ногами, как только я останавливался.

К саду уже быстрым шагом шла бригада плотников, и задним ходом ехала, дрожа, как этажерка, полуторатонка с фанерами...

Бульвар закрыли. Растительное искусство заколотили наглухо. Железнодорожный КГБ ЗКВЖД объявил розыск! За сутки в Закавказье были арестованы восемь Тимофеев! Из восьми Тимофеев четверо никогда не были у нас в городе и не слышали о нем. Из четырех Тимофеев двое имели алиби: за все топиарную эпоху один сидел в Гьянджинской тюрьме, а другой — в Лениноканской. Из оставшихся двоих Тимофеев только один проезжал через наш город. До войны. И только лишь последний задержанный сознался, что знал Тимофея. Они вместе сидели в Казахстане.

— Не ищите его. Не найдете. Таких на всю страну на одной руке сосчитать!—И он, пьяный, провел по красивой кривой руке с тремя пальцами.